

Старец

Нектарий Оптинский

Епископ Александр (Милеант)

Содержание:

[Жизнь](#) и [наставления](#) последнего оптинского старца Нектария (Тихонова).

Приложение: [Воспоминания митроп. Вениамина \(Ведченкова\) об Оптиной пустыни и о старце Нектарии](#).

Среди великих оптинских старцев особой любовью пользовался последний из них — старец Нектарий [Тихонов]. Родился он в городе Ельце в 1858-ом году у бедных родителей Василия и Елены Тихоновых и при крещении получил имя Николай. Отец его работал на мельнице и рано умер. С матерью у Николая была самая глубокая душевная близость. Она была с ним строга, но больше действовала кротостью и умела тронуть его сердце. Но и мать умерла рано. Остался Николай в юном возрасте круглым сиротой.

В 1876-ом году пришел он в Оптину пустынь, неся в котомке за плечами одно лишь Евангелие. “Господи! Какая красота здесь, солнышко ведь тут с самой зари, и какие цветы! Словно в раю!” — так вспоминал преподобный о своем первом впечатлении от Оптиной. Николая принял сам старец Амвросий. Беседа с этим великим прозорливцем произвела на Николая такое впечатление, что он навсегда остался в Оптиной. Его духовными руководителями стали старцы Антоний (Зерцалов) и Амвросий.

 Первым послушанием Нектария было ухаживать за цветами, потом его назначили на пономарское послушание. Дверь его кельи выходила прямо в сторону церкви. Здесь он прожил 25 лет. Из-за наложенных на него послушаний он часто опаздывал на богослужения и приходил в храм с красными, опухшими, словно заспанными глазами. Братья жаловались на него старцу Амвросию, а тот отвечал, как у него было в обычае, в рифму: “Подождите, Николка проспится — всем пригодится.”

Послушанию придавалось великое значение. “Самая высшая и первая добродетель — послушание. Христос ради послушания Своему Отцу пришел к нам, и жизнь человека на земле есть послушание Богу.” Уже в зрелые годы отец Нектарий и сам не раз говорил: “Без послушания человека сначала охватывает порыв, горение, а потом приходит расслабление и охлаждение. А в послушании сначала трудно, а потом сглаживаются все препятствия.”

В эти годы отец Нектарий много читал и занимался самообразованием. Читал он не только духовную литературу, но и научную, занимался математикой, историей, географией, русской и

иностранный классической литературой, изучал языки — латынь и французский. В 1894-ом году отец Нектарий был посвящен в иеродиаконы, а четыре года спустя Калужский архиепископ Макарий рукоположил его в иеромонахи. О своем рукоположении отец Нектарий рассказывал следующее:

"Когда владыка Макарий посвящал меня в иеромонахи, то, прозревая мое духовное неустройство, после рукоположения он сказал мне краткое и сильное слово. И это слово было настолько сильно, что я до сих пор его помню, — сколько же уже лет прошло, — и до конца дней моих не забуду. И много ли сказал мне? Он позвал к себе в алтарь и говорит: "Нектарий, когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя тяжкое искушение, ты тверди только одно: "Господи! Пощади, спаси и помилуй меня раба Твоего." Только всего и сказал мне владыка! Но этот совет спасал меня много раз и доселе спасает, ибо был сказан с властью."

От какой именно беды спасло его это слово, осталось неизвестным, но о нескольких искушениях своих старец однажды рассказал. Одно было в первые годы его послушничества. В молодости у него был прекрасный голос, а музыкальный слух сохранился и до старости. В первые годы своей жизни в Оптиной он пел в скитской церкви на правом клиросе и даже должен был петь "Разбойника благоразумного." Но в скиту был обычай: раз в год в Великий пост в скит приходил монастырский регент и отбирал лучшие голоса для монастырского хора. Брату Николаю тоже грозил переход из скита в монастырь, а этого ему не хотелось. Но и петь "Разбойника" было утешительно и лестно. И все же он в присутствии регента стал немилосердно фальшивить — настолько, что его перевели на левый клирос, и, конечно, больше вопрос о его переводе не поднимался.

Другое искушение постигло его, когда он, будучи иеромонахом, стал полузатворником. Он почти перестал выходить и окна своей кельи заклеил бумагой. Это он сделал, чтобы усилить свой молитвенный подвиг и самообразование. Постоянное чтение дало ему, кончившему только сельскую школу, такие разносторонние познания, что он мог свободно беседовать на общекультурные и специальные темы, а не только духовные. Он мог говорить о Пушкине и Шекспире, Мильтоне и Крылове, Шпенглере и Хаггарте, Блоке, Данте, Толстом и Достоевском. В час отдыха после обеда он просил читать ему вслух Пушкина или какие-нибудь народные сказки — русские или братьев Гримм.

И вот, почерпнув из книг широту и многообразие мира, он страстно захотел путешествовать, чтобы своими глазами увидеть то, о чем читал. В это время в Оптину пришло предписание из Святейшего Синода отрекомендовать одного из иеромонахов во флот на корабль, назначенный в кругосветное плавание. Отец архимандрит предложил это назначение иеромонаху Нектарию. Тот так обрадовался и взволновался, что, придя от архимандрита, стал собирать вещи, забыв впервые о том, что в Оптиной ничего не делается без старческого благословения. Только через некоторое время он опомнился и пошел за благословением к старцу Иосифу. Но тот не благословил его на это путешествие, и отец Нектарий смирился.

Чтобы не возгордиться, отец Нектарий начал понемногу юродствовать. Например, поверх подрясника он одевал цветные кофты; кушанья, подаваемые в трапезной, он сливал в один котелок, все вместе — и кислое, и сладкое, и соленое; по скиту он ходил с валенком на одной ноге, а башмаком на другой. Еще больше он стал смущать монахов в период своего старчества, когда обзавелся разными игрушечными автомобилями, парходиками, поездами и самолетиками.

Переход из уединенной кельи к общественному служению дался ему нелегко. В 1913 году по настоянию отца Венедикта, Боровского настоятеля и благочинного монастырей, оптинская братия собралась, чтобы избрать нового старца. Сначала старчество предложили архимандриту Агапиту, жившему в Оптиной на покое. Это был человек обширных познаний и высокого духа, автор прекрасного жизнеописания старца Амвросия, который решительно уклонялся от архиерейства, не раз ему предлагаемого. От старчества он тоже наотрез отказался. Отец Агапит держал лишь нескольких близких учеников. Одним из них был иеромонах Нектарий.

Когда братия стала просить отца Агапита указать на достойного кандидата, он назвал отца Нектария. Тот же по своему смирению даже не присутствовал на собрании. Братия заочно избрала отца Нектария в старцы и послала за ним отца Аверкия. Тот приходит и говорит: “Батюшка, вас просят на собрание.” А отец Нектарий отказывается: “Они и без меня выберут кого надо.” — “Отец архимандрит послал меня за вами и просит вас прийти,” — настаивал отец Аверкий. Тогда отец Нектарий покорно надел рясу и как был — одна нога в туфле, другая в валенке — пошел на собрание. “Батюшка, вас избрали духовником нашей обители и старцем,” — встречают его. “Нет, отцы и братия! Я скудоумен и такой тяготы понести не смогу,” — возражает отец Нектарий. Но архимандрит говорит ему решительно: “Отец Нектарий, прими послушание.” И тогда он подчинился.

В этот период старец Нектарий сблизился с Константином Леонтьевым, который, живя в Оптиной, читал ему в рукописи свои произведения. У академика Болотова, принявшего монашество, он учился живописи и до последних дней своей жизни следил за ней, интересовался новейшими течениями в искусстве и делал эскизы икон. Например, эскиз Благовещения он сделал в последний год своей жизни в Оптиной.

Живопись, к которой старец Нектарий имел способность, была ему особенно близка. “Теперь живописное искусство в упадке, — говорил он. — Раньше художник готовился к написанию картины — и внутренне, и внешне. Прежде чем сесть за работу, он приготавливал все необходимое: холст, краски, кисти и т.д., а картину писал не несколько дней, а годы, иногда всю жизнь, как например, художник Иванов свое “Явление Христа народу.” И тогда создавались великие произведения. А сейчас художники пишут второпях, не продумав, не прочувствовав ... Например, когда пишешь духовную картину, нужно, чтобы свет не на Ангела падал, а из него струился.”

Старцу очень хотелось, чтобы была создана картина Рождества Христова. “Нужно, чтобы мир вспоминал об этом величайшем событии, ведь оно произошло только один раз в истории! ... Пастухи в коротких, изодранных по краям одеждах стоят лицом к свету, спиной к зрителю. А свет не белый, а слегка золотистый, без всяких теней и не лучами или снопами, а сплошь, только в самом дальнем краю картины слегка сумрак, чтобы напомнить, что это ночь. Свет весь из ангельских очертаний, нежных, едва уловимых, и чтобы ясно было, что это красота не земная — небесная, чтобы не человеческое это было!” — прибавил батюшка с особой силой. А в другом случае старец сказал одной девушке: “Почему пастухи удостоились в эту ночь увидеть ангелов? — Потому, что они бодрствовали.”

Однажды старцу показали икону Преображения Господня, где яркость Фаворского света достигалась контрастом с черными узловатыми деревьями на переднем плане. Старец велел их стереть, объясняя, что где Фаворский свет, там нет места никакой черноте ... Когда загорается этот свет, каждая трещинка начинает светиться.”

Ценные воспоминания о старце Нектарии можно найти у отца Василия Шустина, который вместе со своей супругой навещал его. “Батюшка говорит мне, — рассказывает о. Василий — Вытряси прежде самовар, затем налей воды. Вода стоит вот там, в углу, в медном кувшине, возьми его и налей.” Кувшин был массивный, ведра на два. Попробовал его подвинуть, нет — силы нету. А батюшка мне говорит: “Ты возьми кувшин и налей воду в самовар.” — “Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый, я его с места не могу сдвинуть.” Тогда батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит: “Возьми.” Я поднял. Кувшин показался мне совершенно легким.

После вечерней молитвы к старцу Нектарии приходила скитская братия, чтобы принять благословение перед сном. Это совершалось каждый день, утром и вечером. Монахи все подходили под благословение, кланялись, и при этом некоторые открыто исповедовали свои помыслы, сомнения. Батюшка одних утешал, подбодрял, другим вслед за исповедью отпускал их согрешения, разрешал сомнения, и всех умиротворенных любовно отпускал. Это было умирительное зрелище. Батюшка во время благословения имел чрезвычайно серьезный и сосредоточенный вид, и во всяком

его слове сквозила забота и любовь к каждой мятущейся душе. Потом батюшка удалился в свою келию и молился около часа. После долгого отсутствия батюшка вернулся к нам и убрал все со стола.

В один из моих приездов в Оптину пустынь, — вспоминает отец Василий, — я видел, как отец Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук 50, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни он откладывал со словами: “Сюда надо ответ дать, а эти благодарственные можно без ответа оставить.” Он, не читая, видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, и некоторые даже целовал, а два письма, как бы случайно, дал моей жене и говорит: “Вот, прочти их вслух, это будет полезно.”

В 1914-ом году мой старший брат [брат о. Василия] поступил послушником в Оптинский скит и исполнял иногда должность келейника у старца Нектария. Он часто просил отца выслать деньги на покупку книг духовного содержания и составлял там собственную библиотеку. Я всегда возмущался этим и говорил: “Раз ушел из мира по призванию, то порви со своими страстями.” А у него была страсть покупать книги. Я по этому поводу написал о Нектарии письмо со своим возмущением. Батюшка не ответил. Брат продолжал. Я написал еще более резкое письмо батюшке, обвиняя, что он не сдерживает страсти брата. Батюшка опять ничего не ответил. В 1917 году мне удалось с фронта съездить с женой в Оптину. Батюшка встречает нас с низким поклоном и говорит: “Спасибо за искренность. Я знал, что после писем ты и сам приедешь, я всегда рад тебя видеть. Пиши всегда такие письма, а потом являйся сам за ответом. Вот теперь я скажу, что скоро будет духовный книжный голод. Не достанешь духовных книг. Хорошо, что он собирает это духовное сокровище, оно очень пригодится. Тяжелое время наступает теперь. В мире прошло число шесть и наступает число семь, век молчания. Молчи, молчи, — говорит батюшка, а слезы у него текут из глаз. Государь униженный терпит за свои ошибки. В 1918 году будет еще тяжелее. — Государь и вся семья будут убиты, замучены. Одна благочестивая девушка видела сон: сидит Иисус Христос на престоле, а около него 12 апостолов, и раздаются с земли ужасные стоны. И апостол Петр спрашивает Христа: Когда же, Господи, прекратятся эти муки? — И отвечает ему Иисус Христос: “Даю Я сроку до 1922 года. Если люди не покаются, не образумятся, то все так погибнут.” Тут же перед Престолом Божьим предстоит и наш Государь в венце великомученика. Да, этот Государь будет великомученик. В последнее время он искупил свою жизнь, и если люди не обратятся к Богу, то не только Россия, но и вся Европа провалится.

С самого начала отец Нектарий не хотел старчествовать и тяготился этим послушанием. Большую часть времени он жил замкнуто в келье старца Амвросия. По смирению отец Нектарий говорил о себе: “Ну, какой я старец и как могу я быть наследником прежних старцев? ... У них благодать была целыми караваями, а у меня лишь ломтик.” На столе в его приемной обычно лежала какая-нибудь книга, раскрытая на определенной странице. Посетитель в долгом ожидании начинал читать эту книгу, не подозревая, что это является одним из приемов отца Нектария давать через открытую книгу предупреждение, указание или ответ на задаваемый вопрос, чтобы скрыть свою прозорливость. Посетителей старец благословлял широким крестным знаменем. Медленный в движениях и сосредоточенный, — казалось он несет чашу, наполненную до краев драгоценной влагой, как бы боясь ее расплескать.

С революцией для старца Нектария начался период тяжелых испытаний. При распаде Оптиной пустыни старец Нектарий хотел было совсем отказаться от духовного руководства другими и закончить свою жизнь странником. Но тут во сне явились ему почившие раньше оптинские старцы и сказали: “Если хочешь быть с нами, то не оставляй чад своих.” Старец Нектарий смирился с возложенным на него крестом.

Оптина пустынь продержалась до 1923-го года, когда все храмы ее были закрыты. Очень мало известно о событиях послереволюционного периода. Одна очевидица рассказывала, что по мере ликвидации соседних женских обителей, монахини подобно птицам из разоряемых гнезд слетались в Оптину. Им некуда было деваться, и они тут же ютились. Свое горе несли сюда же и толпы мирян.

Спрашивали, как молиться за невернувшихся близких: ужасы революции, гражданская война нанесли потери почти каждому семейству.

После высылки старца Нектария из Оптиной, большевики привели в его келию некоего оккультиста для того, что найти, как они надеялись, скрытые здесь сокровища. Была ночь, в келье старца горела керосиновая лампа. Колдун-оккультист начал свои чародейства, и, хотя лампа продолжала гореть, в комнате наступила мгла. В соседнем помещении находилась одна монахиня. Она взяла четки отца Нектария и ими начертала крестное знамение в сторону кельи старца. В его комнате сразу стало светло, а чародей бился на земле в конвульсиях эпилептического припадка.

Основными чертами старца Нектария были смирение и мудрость. К каждому человеку он подходил лично, индивидуально, с особой мерой. Он говорил: “Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы.” Внешне преподобный был невысок, с лицом несколько округлым; длинные редкие пряди полуседых волос выбивались из-под скуфьи; в руках гранатовые четки. Исповедуя, он надевал красную бархатную епитрахиль с галунными крестами. Лицо его как бы не имело возраста: то старческое, суровое, то молодое и выразительное, то младенчески чистое и спокойное. В годы старчества он был согбенный, с небольшой, клинообразной бородой, худой, с постоянно плачущими глазами. Поэтому у него в руках всегда был платок, который он прикладывал к глазам. Он любил держать себя в тени, быть мало заметным. Почти нет его фотографий, потому что он не разрешал снимать себя. Это очень для него характерно.

Старец Нектарий скончался 29-го апреля 1928-го года в селе Холмищи Брянской области. Похоронили его на местном кладбище. Он сам говорил при жизни, что его могилы не будет. Действительно, по тем местам прошла война. Но память о старце Нектарии сохранилась у верующих людей.

Несмотря на все потрясения революции и перемены, происшедшие за годы коммунизма, все же могила старца Нектария была найдена. В 1992 году братия восстановленного Оптинского монастыря прибыла на место погребения старца и начала копать. Сначала на глубине 1.5 метра нашли гроб схимонахини Нектарии Концевич — матери владыки Нектария Сеаттлийского и послушницы старца Нектария, а потом ниже и чуть в стороне — гроб с мощами старца Нектария. Когда открыли гроб старца, все ощутили благоухание; мантия его оказалась нетленна. В воскресенье 16-го июля было совершено торжественное перенесение мощей старца Нектария с кладбища села Холмищи во Введенский собор Оптиной пустыни.

Так начало исполняться одно из самых утешительных предсказаний старца Нектария: “Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще 7 светильников, 7 столпов.”

Из наставлений старца Нектария

Старец Нектарий рассказывал, что в молодости он любил наблюдать природу и насекомых. “Бог не только разрешает, но и требует, чтобы человек возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен и дальше приобретать новые познания ... И ты работай. В работе незаметно пройдут годы.” Во время беседы лицо старца становилось необыкновенно светлым, так что было трудно смотреть на него.

Для старца Нектария характерен был интерес к жизни. До последних своих лет он знакомился с литературой, просил привозить ему книжные новинки, расспрашивал о постановке образования в школах, узнавал обо всем, что интересовало интеллигенцию. И все эти разнообразные познания он

направлял на служение Богу и на пользу людей. Однажды, еще до революции, пришли к отцу Нектарию семинаристы со своими преподавателями и просили сказать им что-нибудь на пользу. “Юноши! — обратился к ним старец, — если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша ученость не портила нравственности, а нравственность учености, то получите полный успех в вашей жизни.”

Как-то одна из его духовных дочерей беседовала со своей подругой в батюшкиной приемной: “Не знаю, может быть, образование совсем не нужно и от него только вред. Возможно ли его совместить с Православием?” Выйдя из кельи, старец сказал ей: “Ко мне однажды пришел человек, который не мог поверить, что был всемирный потоп. Я рассказал ему, что на горе Арарат люди находят ракушки и что даже на самых высоких горах геологи находят признаки морского дна. Тогда юноша признал, что еще многое предстоит ему узнать, чтобы лучше понимать Библию.” О себе старец говорил: “Я к научности приникаю.” Об истории он комментировал: “Она показывает нам, как Бог руководит народами и дает нравственные уроки вселенной.”

О внешнем делании старец наставлял: “Внешнее принадлежит нам, а внутреннее — благодати Божией. Потому совершайте внешнее, и когда оно будет в исправности, тогда и внутреннее образуется. Не надо желать или искать чудес. У нас одно чудо — Божественная литургия. Она — величайшее чудо, к которому нужно приникать всей душой.”

О внимательности в мысли он учил: “Перестаньте думать, начните мыслить. Думать — это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. Отбросьте мечтание, займитесь мышлением. У Наполеона, например, была дума, но отсутствовало государственное мышление. А у Кутузова была мысль. Мысли выше дум.”

О жизни он говорил: “Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время, вес. Самое доброе и прекрасное дело, если оно выше меры или не вовремя, — не имеет смысла. Изучая математику, человек постигает чувство меры. Помните эти три смысла. Они определяют жизнь.”

“Батюшка пригласил нас вместе в исповедальню, — рассказывает отец Василий Шустин, — посадил и стал давать моей жене на память различные искусственные цветочки, и говорит при этом: Когда будешь идти по жизненному полю, то собирай цветочки, а плоды получишь потом ... Цветочки — это печали и горести. И вот их нужно собирать, чтобы получился красивый букет, с которым предстанешь в день судный, и тогда получишь плоды — радости. В супружеской жизни, — продолжал он, — всегда есть два периода: один счастливый, а другой печальный и горький. Лучше, когда горький период приходит раньше, в начале супружеской жизни, тогда после него придет счастье.”

Об искусстве и литературе старец высказывал следующие мысли: “Заниматься искусством можно, как всяким другим делом, например: столярничеством или выпасом коров. Но все надо делать как бы перед взором Божиим. Есть большое искусство и малое. Вот малое бывает так: есть звуки и свет. Художник — это человек, могущий воспринимать эти еле уловимые цвета, оттенки и неслышимые звуки. Он переводит свои впечатления на холст или бумагу. Получаются картины, ноты или поэзия. Здесь звуки и свет как бы убиваются. От света остается цвет. Книга, ноты или картина — это своего рода гробница света и звука. Приходит читатель или зритель, и если он сумеет творчески взглянуть, прочесть, то происходит воскрешение смысла. И тогда круг искусства завершается. Перед душой зрителя и читателя вспыхивает свет, его слуху делается доступен звук. Поэтому художнику или поэту нечем особенно гордиться. Он делает только свою часть работы. Напрасно он мнит себя творцом своих произведений, — один есть Творец, а люди лишь убивают слова и образы Творца, а затем от Него полученной силой духа оживляют. Но есть и большее искусство — слово оживляющее и воодушевляющее (например, псалмы Давида). Путь к этому искусству лежит через личный подвиг художника — это путь жертвы, и лишь один из многих достигает цели... Все стихи в мире не стоят одной строчки Псалмов ... Пушкин был умнейший человек, а собственную жизнь не сумел правильно прожить.”

Эти и другие замечания отца Нектария были плодом его внутреннего духовного опыта. Став

старцем, он начал делиться с посетителями тем, что приобрел путем чтения и размышления.

Старец любил цитировать из “Гамлета:” “Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам.” Он говорил о необходимости для писателя продумывать каждое слово: “Прежде чем начинать писать, обмакните перо семь раз в чернильницу.”

Признавая значение театра как средства народного воспитания и советуя артистам соблюдать соразмерность в игре, старец Нектарий, однако, не благословил одной девушке, мечтавшей о театре, идти на сцену. Когда спросили его почему, старец ответил: “Она не осилит искушения и развратится ... Застенчивость — это большое достоинство; она ничто иное как добродетель целомудрия. Если сохранить целомудрие (которое легко теряется интеллигентами), то человек все сохранит!”

Однажды сильно обокрали людей, которые пришли к старцу Нектарию. Унесли у них все зимние вещи и платья. Отец Нектарий сказал им, что когда обворуют, то не надо скорбеть, а представить, что дали милостыню, и Господь вернет в десять раз больше. Так что не надо печалиться.

Одной знакомой на вопрос, как возлюбить Христа, он ответил: “Взять урок у Самого Христа, Который сказал: *Любите друг друга, как и Я возлюбил вас*. Прежде всего надо стараться ближнего возлюбить, а с ближнего любовь перейдет на Христа. Но ближнего надо возлюбить искренне, а не с расчетом, — тогда только может быть успех.”

Старец Нектарий редко давал указания, как жить, очевидно, оттого, чтобы не налагать ярма и чтобы вопрошающие не пострадали от ответственности за неисполнение того, что он велел. Но на прямые вопросы он всегда отвечал. Одной даме, жаловавшейся на дурные помыслы, он советовал: “Повторяй *Господи, помилуй* и увидишь, как все земное отходит.” В другой раз он советовал: “Не обращай внимания на дурные помыслы.” И по милости Божией помыслы переставали беспокоить людей.

Еще старец говорил, что очень хорошо, если Господь долго “не слушает” молитвы. Нужно только продолжать молиться и не унывать: “Молитва — это капитал, который со временем больше процентов приносит. Господь посылает свою милость тогда, когда это Ему благоугодно; тогда, когда нам полезно принять. Если нам что-либо крайне необходимо, тогда следует два-три раза помолиться, и за исполнение просьбы надо благодарить Бога. Иногда через год Господь исполняет прошение. Пример братья с Иоакима и Анны. Они всю жизнь молились и не унывали, а все надеялись. И какое послал им Господь утешение!”

При всяких неудачах старец велел говорить: “Господи, верю, что терплю должное и получаю то, что я заслужил, но Ты, Господи, по милосердию Твоему прости и помилуй меня,” — и так повторять несколько раз, пока не почувствуешь мир в душе.

Молись, чтобы Господь воцарился в сердце твоём, — тогда преисполнится оно великой радостью, и никакая печаль не в силах будет потревожить тебя. Для этой цели старец советовал молиться так: *Господи, отверзи двери милости Твоей*.

Из беседы старца Нектария со спиритом. Спиритизм — это ужасное и губительное увлечение. На спиритических сеансах, выдавая себя за душу какого-нибудь умершего, человеку является сам сатана. Своей лестью древнего змия он заводит человека в такие ухабы и дебри, из которых нет не только сил выбраться, но и даже понять, что ты находишься в огромной опасности. Через это, Богом проклятое занятие, дьявол настолько овладевает человеческим умом и сердцем, что те дела, которые всеми здравомыслящими объявляются преступлением, человек, отравленный ядом спиритизма, воспринимает как вполне нормальные и естественные.

Если внимательно всмотреться в человека, занимающегося спиритизмом, то непременно заметишь на нем особый отпечаток, по которому так и явствует, что он разговаривает со столами. Спириты

страдают страшной сатанинской гордыней и озлобляются против всех, кто противоречит им.

Занимаясь спиритизмом, человек постепенно, сам того не замечая, отходит от Бога и от Церкви. А чтобы он не увидел грозящей ему опасности, дух тьмы через своих бесов посылает его в храмы Божии служить панихиды, молебны, акафисты, приобщаться Святым Христовых Таин и т.д. Однако параллельно с этим сатана все настойчивее внушает ему, что все эти добрые дела он мог бы совершать сам в своей домашней обстановке, — и даже с большим усердием и продуктивностью.

И по мере того, как наивный человек все больше и больше запутывается в сложных лабиринтах духа тьмы, от него отступает Божие благословение. Тогда его начинают преследовать неудачи, расшатывается благосостояние. Если бы спирит не был так сильно опутан сатаной, то он должен был бы увидеть свою беду и прибегнуть к Божией помощи, к святым Божиим угодникам, к святой Апостольской Церкви, к священнослужителям, и они бы помогли ему своими святыми советами и молитвами. Но вместо этого спирит со своими скорбями обращается к тем же бесам, а эти еще больше запутывают его и засасывают в тину проклятия.

И в конце концов от спирита совершенно отходит Божие благословение. Гангрена греха распространяется на всю его семью, и у него начинается необычный, ничем не мотивируемый, развал семьи. Отходят от него даже самые близкие и дорогие ему люди!

Наконец, когда несчастный человек по стараниям сатаны дойдет до последней степени обольщения, он или совсем теряет рассудок и становится невменяемым, или же кончает с собой. И хотя спириты утверждают, что среди них нет самоубийств, но это неправда. Первый вызыватель духов — царь Саул покончил жизнь самоубийством. Это потому, что он “не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице.”

Словом, с людьми, вызывающими духов, — которые пророчествуют именем Божиим, в то время, как Господь не посылает его, — совершается то, что пророк Иеремия предсказывал: *"Мечом и голодом будут истреблены эти пророки; и народ, которому они пророчествуют, разбросан будет по улицам города от голода и меча ... И Я изолью на них зло их"* (Иер. 14:15-17).

Приложение

Воспоминания митрополита

Вениамина (Федченкова)

Оптина Пустынь и Старец Нектарий

Оптина... Так сокращенно называли обычно этот монастырь богомольцы. Подобно и Саровский монастырь называли просто “Саров.” Иногда к Оптиной присоединяли и слово “пустынь,” хотя пустынного там не было ничего, но этим хотели, вероятно, отметить особую святость этого монастыря.

Оптина находится в Калужской губернии, в Козельском уезде, в к верстах от города, за речкой Жиздрой, среди соснового бора.

Самое слово Оптина толкуют различно. Но нам, с духовной точки, больше по душе легенда, что эта пустынь получила свое имя от какого-то основателя ее, разбойника Опты. Так ли это было на самом деле или иначе, но посетителям да и монахам, это объяснение нравится больше потому что

богомольцы тоже приходили туда с грехами и искали спасения души: да и монашеское житие по сущности своей есть прежде всего покаянное подвижничество.

Прославилась же Оптиная своими “старцами.” Первым у них был отец Лев — или Леонид — ученик знаменитого старца, Паисия Величковского, подвизавшегося в Нямецком монастыре, в Молдавии. После отца Льва старчество перешло к преемнику его, иеромонаху о. Макарию (Иванову), происходившему из дворян. Про него сам митрополит Московский Филарет сказал однажды: “Макарий — свят.” Под его руководством воспитывался и вызрел “мудрый” Амвросий, учившийся сначала в семинарии. Потом были старцы — два Анатолия, Варсонофий — из военной среды и о. Нектарий. Последнего, а также и второго, Анатолия, видел я лично и беседовал с ними. Но кроме этих, особо выдающихся иноков и настоятеля, и многие монахи тоже отличались высокою святою жизнью. Впрочем, и вся Оптиная славилась на Россию именно духовным подвижничеством братии, что связано было больше всего со старчеством и в свою очередь воспитывало опытных старцев.

Старец — это опытный духовный руководитель. Он не обязательно в священном сане, но непременно умудренный в духовной жизни, чистый душою и способный наставлять других. Ради этого к ним шли за советами не только свои монахи, но и миряне со скорбями, недоумениями, грехами... Слава оптинских старцев за одно второе полстолетие распространилась за сотни и тысячи верст от Оптиной, и сюда тянулись с разных сторон ищущие утешения и наставления. Иногда непрерывная очередь посетителей ждала приема у старца с утра до вечера. Большею частью это были простые люди. Среди них иногда выделялся священник или послушник монастыря. Не часто, но бывали там и интеллигентные лица: приходил сюда и Толстой, и Достоевский, и великий князь И. Константинович, и Леонтьев, и б. протестант Зедергольм; жил долго при монастыре известный писатель С.А.Нилус; постригся в монашество бывший морской офицер, впоследствии епископ Михей; при о. Макарии обитель была связана с семьей Киреевских, которые много содействовали издательству монастырем свято-отеческих книг; отсюда же протянулись духовные нити между обителью и Н. В. Гоголем; известный подвижник и духовный писатель, епископ Игнатий Брянчанинов тоже питался духом этой пустыни. А кроме этих лиц дух внутреннего подвижничества и старчества незаметно разлился по разным монастырям. И один из моих знакомых писателей, М. А. Н., даже составлял родословное дерево, корнями уходившее в Оптину... Хорошо бы когда-нибудь заняться и этим вопросом какому-нибудь кандидату богословия при писании курсового сочинения... А мы теперь перейдем уже к записям наших воспоминаний.

Конечно, они не охватывают всех сторон монастырской жизни; не говорят о подвижнической страде иноков, какая известна была лишь им одним, их духовникам, да Самому Богу. Я буду говорить лишь о наиболее выдающихся лицах и светлых явлениях Оптиной. Разумеется, такое описание будет односторонним. И правильно однажды заметил мой друг и сотоварищ по СПб. Д. Академии, впоследствии архимандрит Иоанн (Раев), скончавшийся рано от чахотки, — что я подобным описанием ввожу читателей, а прежде всего — слушателей в некое заблуждение. Он привел тогда такое сравнение. Если смотреть на луг или цветник сверху, то как покажется он красивым со своими цветами и яркой зеленью. А спустись взором пониже, там увидишь голенький ствол с веточками. Но и здесь еще не источник жизни, а — внизу, в земле, где корявые и извилистые корни в полной тьме ищут питания для красивых листочков и цветочков. Тут уже ничего красивого для взора нет, наоборот, и неблагоепно, и грязно... А то и разные червяки ползают и даже подгрызают и губят корни, а с ними вянут и гибнут листочки и цветочки.

Так и монашество — говорил о. Иоанн, — лишь на высотах и совне — красиво; а самый подвиг иноческий и труден и проходит через нечистоты, и в большей части монашеской жизни является крестной борьбой с греховными страстями. А этого-то ты, — говорил друг, — и не показываешь в своих рассказах.

Все это совершенно верно, — скажу я. Но ведь и в Житиях Святых описываются большей частью светлые явления из жизни их и особенные подвиги. А о греховной борьбе упоминается обычно кратко и мимоходом. И никогда почти не рассказывается о ней подробно. Исключением является

лишь житие св. Марии Египетской, от смрадных грехов дошедшей потом до ангелоподобной чистоты и совершенства. Но и то писатели оговариваются, что они делают это вынужденно, чтобы примером такого изменения грешницы утешить и укрепить малосильных и унывающих подвижников в миру и в монастырях. Так и мы вообще не будем много останавливаться на наших темных сторонах; это не поучительно. Да они мне и неизвестны в других людях; о чем бы я стал говорить?! Впрочем, где следует там будет упомянуто и об этом. Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угодников Божиих и предшествует и сопутствует духовная борьба; иногда — очень нелегкая и некрасивая...

Кстати, и сам упомянутый о. Иоанн должен по справедливости быть причислен к лику подвижников; он мало жил; умер, будучи инспектором Полтавской семинарии.

Имя Божие

Мне дважды привелось бывать в Оптиной. Еще с академии я узнал о ней. И будучи студентом, в одном селе встречал духовных чад старца Амвросия и слушал их рассказы о нем. Но сам и не думал о посещении пустыни; не воспитывали в нас ни в семинариях, ни в академиях интереса и любви ни к монастырям, ни к подвижникам, ни к таким светилам Церкви, как даже о. Иоанн Кронштадский или епископ Феофан, затворник Вышенский, уже наши современники. Учеба, книги — вот был наш интерес. Потому и после академии почти никто из нас не думал о посещении обителей вообще.

Будучи ректором Таврической семинарии, решил я к концу летних каникул посетить Оптину. На следующий год или через два, я вторично побывал там, будучи ректором Тверской семинарии. Жил недолго — не больше двух недель. Конечно, за такой короткий срок я заметил лишь немного из богатых сокровенных сокровищ святой обители. Оба воспоминания солью воедино.

В первый раз я приехал на извозчике в монастырь днем и остановился в так называемой “черной” гостинице, где останавливались “обыкновенные” богомольцы; мне не хотелось выделяться из них и обращать на себя внимание. Помню заведующего инока, с темными густыми волосами; я не знал никого. Мы пили вместе с ним чай. Ничего особо не было. Но вот однажды он пригласил к чаю афонского монаха, удаленного со Святой горы за принадлежность к группе “имебожников,” а теперь проживавшего в Оптиной. Сначала все было мирно. Но потом между иноками начался спор об Имени Божием. Оптинец держался решения Св. Синода, осудившего это новое учение о том, что “имя Бог есть Сам Бог.” Афонец же защищал свое. Долго спорили отцы. Я молчал, мало интересуясь тогда этим вопросом. Оптинец оказался остроумнее; и после долгих и резких споров он, казалось, почувствовал себя победителем. Афонец, хотя и не сдался, но вынужден был замолчать. И вдруг, — к глубокому моему удивлению, — победитель, точно отвечая на какие-то свои тайные чувства, ударяет кулаком по столу и, вопреки прежним своим доказательствам, с энергией заявляет: “А все-таки имя Бог есть Сам Бог!” Спор больше не возобновлялся. Я же удивленно думал: что побудило победителя согласиться с побежденным?! Это мне было непонятно. Одно лишь было ясно, что обоим монахам чрезвычайно дорого было “Имя Божие.” Вероятно, и по опыту своему, творя по монашескому обычаю молитву Иисусову (“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”), они оба знали и силу, и пользу и сладость призывания имени Божия; но только в богословствовании своем не могли справиться с трудностями учения богословских формулировок.

Потом, посещая некоторых оптинских монахов, я заметил у них в келиях большей частью у икон, листы бумаги, где славянскими буквами были написаны эти святые слова: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.” По-видимому, эти иноки в какой-то степени сочувствовали защите имени Божия. Но не смея и не имея сил делать это словами. Выражали свое почитание имени Божия вывеской на бумаге.

“Боже, — думал я, — в миру безбожие ширилось, маловерие, равнодушие, а тут люди еще горячатся и спорят о значении и силе даже имени Божия! Значит, они так или иначе живут жизнью в Боге.”

Отец Анатолий

Через 2-3 дня моей жизни пронеслась весть в монастырь: прибывает чудотворная икона Калужской Божией Матери (память 2 сентября). К указанному времени многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону. Через несколько моментов там уже собралась густая толпа народа. Плотным кольцом кого-то или что-то окружившая. Из простого любопытства я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы нужна была какая-то особая причина к этому. Протискавшись немного к центру толпы, я видел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой нерасчесанной небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилося и радовалось. Так милые дети встречают родную мать.

— Кто это? — спрашиваю я соседа.

— Да батюшка отец Анатолий! — ласково ответил он, удивляясь, однако, моему неведению.

Я слышал о нем, но не пришлось еще встретить его лично; да и не было особой нужды в этом не имел никаких вопросов к нему. А теперь явился вопрос о нем самом: что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку. Почему, И ответ явился сам собою: святой человек тоже чудо Божие, как и икона, только — явное чудо. Святой есть только “образ” Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет сам Бог Своею благодатью. И тут и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими дарами радости, утешения, милосердия, духовного света. Как Спаситель с Моисеем и Илией явились на Фаворе в благодатном несозданном свете ученикам, и тогда Петр от восторга воскликнул: “Господи! Хорошо нам здесь быть” (Лк. 9, 33). Так и через святых людей эта же преображенная благодать и светит, и греет. А иногда — как это не раз было с о. Серафимом Саровским, — она проявляется и в видимом, хотя и в сверхъестественном свете. Так было и теперь: через “батюшку” (какое ласковое и почитательное слово!) светилося Солнце правды. Христос Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете.

Вспомнились мне и слова апостола Павла о христианах: *"Разве не знаете, что вы — храм Божий, и дух Божий живет в вас"* (I Кор. 6:19).

И — другое его изречение, что всякий христианин должен бы возрастать в образ совершенный, в меру возраста полноты Христовой (Ефес. 4:13)... Вот какая высота задана христианину — Сам Богочеловек, Христос! И это — не дерзость хищения невозможного (Фил. 2:6), а повеление заповедь Спасителя, данная на последней Его беседе: *"Если кто будет исполнять Мои заповеди, то будет возлюблен Отцем Моим; и Мы придем к тому и обитель в нем сотворим"* (Ин. 14:23). Это — цель и задача христианской жизни: общение с Богом через благодать святого Духа. И тогда облагодатствованные люди начнут изливать свой, т.е. Божий свет и на других.

Боже, как велики сами по себе и как чрезвычайно важны для других эти святые люди! Выше их нет никого!

Пришлось и мне встречать в жизни своей так называемых “великих” людей, но никогда я не чувствовал их величия: человек как человек, обыкновенный. Но вот когда приходилось стоять перед святым, тогда ясно чувствовалось действительное величие их... Вот это — необыкновенные люди! А иногда и страшно становилось при них, — как это мне пришлось ярко пережить при службе с о. Иоанном Кронштадским.

И тогда понятным становится, почему мы прославляем святых, пишем их иконы, кланяемся им в

землю, целуем их. Они — воистину достойны этого! Понятно станет и то, что мы в храмах кадим не только иконы Спасителя, Богородицы и святых, но и вообще — всех христиан: мы в них кадим, воздаем поклонение и почитаем Самого Бога, проявляющегося в своих образах: и в иконах, и в людях.

Ведь всякий христианин должен быть образом Божиим. Однажды мне пришлось спросить некоего старца:

— Как нужно относиться вообще к человеку,?

— С почитанием, — ответил он.

Я удивился словам его:

— Почему?

— Человек есть образ Божий, — сказал он.

И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут и люди; повиновались Адаму в раю даже и звери. Об этом говорят и жития Герасима Иорданского и Серафима Саровского; и трепещут их даже бесы. Зато радуются им небожители. Когда Матерь Божия явилась с апостолами Петром и Иоанном св. Серафиму, то Она сказала им:

— Сей — от рода нашего!

От того же рода был и батюшка о. Анатолий. Сколько радости, любви и ласки изливалось от его лица на всех смотревших на него в Оптинском лесу, на солнечной прогалине!

Муж и жена

А вот — и наставление его, старческий совет. Я получил письмо от своего друга и товарища по академии, священника о. Александра Б. из Самарской губернии, о разладе с женой... Уж как он любил ее невестой! Весь наш курс знал о ней, какая она хорошая и прекрасная. И вот они повенчались. Он получает приход в рабочем районе города. Нужно строить храм. Молодой и идейный священник с любовью и энергией принимается за дело. Постройка быстро продвигается вперед. Казалось бы все хорошо. Но вот горе для матушки: ее батюшка запаздывает к обеду. Матушка недовольна этим: то пища остыла, то переварилась и пережарилась. Да и время напрасно пропадает, и другие дела по дому есть... И дети появились... И огорченная хозяйка начинает роптать и жаловаться на такой беспорядок и расстройство жизни. А еще важнее то, что она вместо прежней любви начинает уже сердиться на мужа: разлагается семья. Батюшка же оправдывается перед ней:

— Да ведь я не где-нибудь был, а на постройке храма!

Но это ее не успокаивает. Начинается семейный спор, всегда болезненный и вредный. Наконец, матушка однажды заявляет решительно мужу:

— Если ты не изменишь жизни, то я уйду к родителям.

И вот к такому-то моменту мы обменялись с о. Александром письмами. Узнав, что я еду в Оптину, он описал все свое затруднение и попросил меня зайти непременно к о. Анатолию и спросить старческого совета его: как ему быть, Кого предпочесть — храм или жену,

Я и зашел в келию батюшки. Он принимал преимущественно мирских; а монахи шли к другому старцу — о. Нектарию. В келии о. Анатолия было человек десять-пятнадцать посетителей. Среди них обратился с вопросом и я. Батюшка, выслушав с опущенными глазами историю моего товарища, стал сокрушенно качать головой.

— Ах, какая беда, беда-то какая! — Потом не колеблясь, заботливо начал говорить, чтобы батюшка в этом послушался матушки: — Иначе плохо будет, плохо!

И тут же припомнил мне случай из его духовной практики, как развалилась семья из-за подобной же причины. И припоминаю сейчас имя мужа: звали его Георгием.

— Конечно, — сказал о. Анатолий, — и храм строить — великое дело; но и мир семейный хранить — тоже святое Божие повеление. Муж должен, по апостолу Павлу, любить жену, как самого себя; и сравнил апостол жену с церковью (Ефес. 5:25-33). Вот как высок брак! Нужно сочетать и храм, и семейный мир. Иначе Богу неугодно будет и строение храма. А хитрый враг-диавол под видом добра, хочет причинить зло: нужно разуместь нам козни его. Да, — вот так и отпишите, пусть приходит вовремя к обеду. Всему есть свое время. Так и отпишите!

А потом, немного подумав, добавил: А тут добро-то добро: строить храм-то. Но к нему тайно примешивается и тщеславие... Да, примешивается, примешивается: ему хочется поскорее кончить... людям понравиться... Так и отпишите...

Я так и отписал. И дело поправилось.

Дворянская

Во второе посещение я приехал ночью. Извозчик из Козельска подвез меня почему-то не к “черной” гостинице, а к “дворянской,” где принимали почетных или богатых гостей. Я не стал возражать. Было уже около часу ночи, если не два. Нужно сказать, что в то время моей жизни мне сопутствовала Иверская икона Божией Матери. Бывало, одну отдам кому-нибудь — получу скоро другую, и я уже так скоро привык к сей святыне, что, куда-бы ни приезжал, искал сначала: а нет ли и здесь Иверской: Так было и тут. Вхожу в первую комнату, — в переднем углу висит икона Спасителя. Я жалею уже — не Иверская. Вхожу в спальню: и в углу — Иверская: слава Богу!

Ложусь спать... Едва успел задремать, слышу звон к утрени! Хорошо бы встать да идти в храм. Но лень. Устал. И снова заснул... Проснулся рано, часов около пяти. Было прекрасное августовское утро. Небо чистое. Солнце яркое. Зеленые деревья. Я открыл окно. И вдруг ко мне на подоконник прилетает голубь, совсем без страха. Я взял оставшийся от пути хлеб и стал крошить ему. Как это мне было отрадно: не боится людей! Но тут прилетает второй голубь. Я и ему отделяю крошки. Но первый уже стал ревновать: зачем я даю и другому?! И начинает клевать нового гостя. Сразу пропала моя радость:

— Господи, Господи! Вот и голуби враждуют и воюют. А уж, казалось бы, какие это мирные птицы! Даже Спаситель указывает на них, как на пример апостолам: “Будьте кротки, как голуби” (Мф. 10:16). И грустно стало на душе. А уж, чего же требовать от нас, людей. При нашем себялюбии?! Говорят иные: не будет войн когда-то... Неправда: всегда будут, до конца миру. И не могут не быть; так как каждый из нас в самом себе носит источник войн: зависть, злобу, раздражение, сребролюбие... Недаром сказал один из писателей перед смертью: когда сын спросил его, прекратятся ли войны, — пока человек останется человеком, будут и войны!

Сам же Сын Божий предсказал, что мир ожидает не прогресс, а ухудшение человеческих отношений. И к концу мира будут особенно страшные войны: восстанет народ на народ (а не одни армии на армии), царство на царство. Зло лежит в нас самих, в сердцах наших; потому вся история этого мира и человека вообще — есть трагедия, а не легкая и веселая прогулка. Мир испорчен, и все мы грешны.

Так голуби мои и не примирились — улетели оба.

В тот же день я, посетивши о. игумена, попросил у него разрешения пожить мне в скиту: там больше уединения и духовного отдыха, чем при монастыре. И к вечеру я ушел туда.

Скит — это отделение монастыря, где монахи живут более строго и в большей молитвенности. Туда обычно не впускают посторонних лиц вообще, а женщинам — совсем не разрешается входить.

Оптинский скит, во имя св. Иоанна Предтечи, находится приблизительно в полверсте от монастыря. Кругом стройные высокие сосны. Среди них вырублено четверугольное пространство, обнесенное стеной. Внутри — храм и небольшие отдельные домики для братии. Но что особенно бросается в глаза внутри его, это — множество разведенных цветов. Мне пришлось слышать, что такой порядок заведен был еще при старце о. Макарии. Он имел в виду утешать уединенную братию хотя бы красотой цветов. И этот обычай хранился очень твердо.

Мне сначала было отведено место в правой половине “Золотухинского” флигеля; в левой жил студент Казанской Духовной Академии о.А. Войдя в новое помещение, я устремился к углу с иконами: нет ли Иверской, Но там была довольно большая икона с надписью “Портатисса.” Я пожалел... Но потом спросил сопровождавшего монаха, что значит “Портатисса,” “Привратница,” — ответил он, — или иначе — Иверская. Ее икона явилась Иверскому монастырю на Афоне (Иверия — Грузия); и ей построили храм над воротами обители; потому что Мать Божия в видении сказала: “Я не хочу быть хранимой вами, а Сама буду вашей Хранительницей.” — Я возрадовался. И в этом скиту я прожил около двух недель.

Провожал меня сюда — высокий, статный инок с светло-белыми волосами и густой бородой. Имя его я уже не теперь. Но запомнил, что он был из семинаристов. Почему он — такой представительный, образованный и с хорошим басом — оставил мир и ушел в пустынь? Не знаю, а спрашивать было не деликатно.

Еще вспоминаю, что он почему-то рассказывал искушение одного египетского монаха, боримого плотскими страстями; как тот не унывал от своего падения, а бежал обратно в монастырь, несмотря на то, что бес шептал ему вернуться в мир и жениться... Когда же монах пришел к старцу своему, то пал в ноги со словами: “Авва, я пал!” Старец же увидел над ним венцы света, — как символ того, что диавол несколько раз хотел свести его в уныние и [убеждал] оставить монастырь; а благоразумный инок столько же раз отвергал эти искусительные помыслы и даже не сознавался в содеянном грехе, пока не пал в колена старца.

Старцы

Перед уходом в скит я — по совету ли игумена монастыря или кого-то из иноков — пожелал отслужить панихиду по усопшим старцам. За главным храмом, около стены алтаря, были две могилы — о. Макария и о. Амвросия. мне дали в качестве певчего — клиросного монаха-тенора. В засаленном подряснике, с довольно большим животом, он произвел на меня неблагоприятное впечатление. Не похоже на оптинских прославленных святых, — думалось мне...

Поя панихиду, я заметил под надгробной плитой ямочку. Монах объяснил мне, что почитатели старцев берут отсюда песочек с верою для исцеления от болезней. И вспоминаются мне слова Псалмопевца об Иерусалимском храме, что верующие в Господа любят не только самый храм, но благоволят и о камнях его; и “персть (прах) его полижут.” И что тут дивного, если и теперь русские эмигранты, возвращаясь на родину, берут горсть земли и целуют ее; а иные припадают к ней лицом и тоже целуют. Пусть же не осуждают и нас, верующих, если мы берем песочек от святых могилок. Русский народ при всей своей простоте, совершенно правильно и мудро понимал святые вещи. И чудеса могли твориться только от этого. Из Деяний мы знаем, что не только головные уборы Апостолов изливали исцеления; но даже тени их творили чудеса (19:12; 5:15). А от о. Серафима Саровского оставшиеся вещи — мантия, волосы: камень, на котором он молился тысячу дней и ночей, вода из его колодца и проч. — творили чудеса.

"Велий еси, Господи; и чудны дела Твоя!" (Пс. 8:5, 10).

Продолжу, однако, историю о “плохих монахах.” Для этого забегу немного вперед. Накануне

праздника Успения Богоматери я стоял среди богомольцев; монахи там стояли в левой особо выделенной части храма. Впереди на амвоне ходил с клироса на клирос послушник-канонарх и провозглашал певчим стихиры. Свое дело он вел хорошо. Но мне бросился в глаза белый ворот рубахи, выпущенный сверх воротника подрясника. И мне показалось, что этот монах недалек от мирян, тщеславящихся своими одеждами. “Какой же он оптинец?!” — так вот я осудил этих двух иноков. И думал, что я — прав в своих помыслах.

Но вот на другой день за литургией я сказал проповедь (об этом ниже). и что же, Когда я сходил с храмовой паперти, ко мне подбежали два монаха и при всем народе поклонились мне с благодарностью в ноги, прося благословения. Кто же были эти два монаха?.. Один из них полный певчий на могилках, а другой — этот канонарх с белым воротничком. Я был ошеломлен тем, что именно те двое, которых я осудил как плохих монахов, они-то именно и проявили смирение... Господь как бы обличил меня за неправильный суд о людях. Да, сердце человека ведомо одному лишь Богу. И нельзя судить нам по внешнему виду... Много ошибок делаем мы в своих суждениях и пересудах...

Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя, — может быть, его звали Ксенофонт. Это был уже седовласый старец с тонкими худыми чертами бледного лица. Лет более 70... Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно — женщины. Но он шел поспешно вперед, в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подходивших и быстро их благословляя... Я наполнился благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью; другой — в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью.

Вспоминаю другого игумена, по имени Исаакия. Он перед служением литургии в праздники всегда исповедался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец игумен ответил сравнением:

— Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью.

По поводу этих “малых” грехов припоминается здесь широко известный случай с двумя женщинами, имевший место в Оптиной пустыни. К старцу о. Амвросию пришли две женщины. Одна из них имела на своей душе великий грех и потому была крайне подавлена. Другая была весела, потому что за ней никаких “больших” грехов не значилось. О. Амвросий, выслушав их откровения, послал обеих к речке Жиздре. Первой он велел найти и принести огромный камень, какой только она была в силах поднять; а другая должна была набрать в подол своего платья маленьких камней. Те исполнили повеленное. Тогда старец велел обеим отнести камни на старые места. Первая легко нашла место большого камня, а вторая не могла вспомнить всех мест своих небольших камней и воротилась со всеми ими к старцу. Он и объяснил им, что первая всегда помнила о великом грехе и каялась и теперь могла снять с души своей его; вторая же не обращала внимания на мелкие грехи, а таких оказалось много, и она, не помня их, не могла очиститься от них покаянием.

Здесь же заметим, что в монастырях обычно один лишь игумен монастыря называется — “батюшка” — как одна матка в пчелином улье. А прочие монахи — как рясофорные, так и манатейные (постриженные в мантию) и иеромонахи — именуются — “отцы,” с прибавлением их монашеского имени. Исключение составляют лишь “старцы,” народ обычно называет их тоже “батюшка”; а монахи и тут отличают их от игуменов, называя — “старец” такой-то, по имени.

Запишу разговор со мною о. Феодосия, настоятеля скита, о монашестве моем.

— Вы для чего приняли монашество, — спросил он меня.

— Ради большего удобства спасения души и по любви к Богу, — ответил я.

— Это — хорошо. Правильно. А то вот ныне принимают его, чтобы быть архиереями “для служения ближним,” — как они говорят. Такой взгляд — “неправильный и несмирный. По-нашему, по-православному, монашество есть духовная, внутренняя жизнь; и прежде всего — жизнь покаянная, именно ради спасения своей собственной души. Ну, если кто усовершится в этом, то сможет и другим послужить на спасение. А иначе не будет пользы ни ему, ни другим.

Утренние службы совершались недолго, но зато скитские иноки вообще проводили значительную часть дня в свободных молитвах, по келиям. И эта сторона их жизни была ведома лишь им да Богу... Известно, что всякие “правила” и уставы о молитве нужны больше всего для нас, новоначальных, не воспитавших еще молитвенного горения “непрестанной” молитвы и “стояния перед Богом.” Усовершенствовав же в этом внешние правила необязательны, а иногда даже они отвлекают от внутренней молитвы.

Какова была эта сторона жизни у подвижников и у старца Нектария, мне было неизвестно, а спрашивать не смел, да и признаться и не очень-то интересовался этим, будучи сам нищим в молитве. Только я прежде уже заметил, что, например, у о. Нектария глаза были воспалены: не от молитвенных ли слез? Говорил мне кто-то, что у него еще и ноги больные, распухшие: ясно, от долгих стояний и поклонов...

В молитвенности и заключается главная жизнь подлинных иноков, путь к благодатному совершенству и даже средство к получению особых даров Божиих: мудрости старческой, прозорливости, чудес, святости. Но эта сторона жизни — сокровенная у подвижников. Однако мы никогда не должны забывать о ней, как самой главной, если желаем хоть умом понять жизнь вообще святых.

Вставать приходилось около трех часов утра. Будил нас по келиям довольно молодой еще послушник, о. Нестор. Очень милый и ласковый, всегда с улыбкой на чистом лице, с небольшой бородой. Говорили про него, что он любил спать; поэтому ему и дано было послушание будить других; для этого он вынужден был поневоле вставать раньше, чтобы обойти весь скит. Но и после, говорят, его тянуло ко сну.

О. Макарий, в противоположность о. Нестору, был человек сурового вида. Огромная рыжая борода, сжатые губы, молчаливый, он напоминал мне о. Ферапонта из “Братьев Карамазовых” Достоевского. Он занимал положение эконома в скиту. На эту должность вообще назначают людей посуровее, чтобы не расточал зря, а берег монастырское добро. Познакомился же я с ним по следующему поводу. Однажды я с сожителем в Золотухинском “корпусе” о. Афанасием, пошли к литургии; и позабыв внутри ключ от дома, захлопнули дверь его. Что делать? Ну, думаем, после попросим о. эконома помочь нам; у него много всяких ключей. Так и сделали. О. Макарий молча пошел с нами. В рясе и клобуке — величаво. А замок наш был винтовой. О. экономом вынул из связки один подобный ключ, но его сердечко было меньше дырочки замка. Тогда он поднял с земли тоненькую хворостинку, сложил ее в отверстие и молча начал опять вертеть ключом. Не помогало. Тогда я посоветовал ему:

— О. Макарий, вы бы вложили хворостиночку потолще! А эта — тонка; не отопрете.

— Нет, не от того. Без молитвы начал! — сурово ответил он.

И тут же перекрестился, прочитав молитву Иисусову: “Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй мя грешного!” И снова начал вертеть ключ с прежней хворостиночкой. И замок тут же открылся. О. Макарий, не говоря более ни слова, ушел к себе, а мы разошлись по своим комнатам.

По этому поводу и в связи с ним мне вспоминается и другой случай. Спустя десять лет, будучи уже эмигрантом в Европе, я был на студенческой конференции “Христианской ассоциации молодых людей” в Германии в г. Фалькенберг. По обычаю, мы устраивали временный храм и ежедневно устраивали богослужения; а в конце недельной конференции все говели и причащались.

В устройстве храма мне помогал друг — студент А. А. У-в. На алтарной стороне нужно было повесить несколько икон. Юноша начал вбивать в стенку гвозди, но они попадали на камни и гнулись. Увидев это и вспомнив о. Макария, я сказал: “А вы сначала перекреститесь и молитву сотворите, а потом уж выбирайте место гвоздю.”

Тот послушно исполнил это. Помолился и наставил гвоздь в иное место, ударил молотком, и он попал в паз, между камнями. То же самое случилось и со вторым гвоздем и с прочими.

Был подобный случай и с о. Иоанном Кронштадским. Встав рано утром, около 3 часов, он, по обычаю, должен был читать утреннее правило ко Причащению. Но никак не мог найти этой книжки. Безуспешно пересмотрев все, он вдруг остановился и подумал: “Прости меня, Господи, что я сейчас из-за поисков твари (книги) забыл Тебя, Творца всяческих!” — и немедленно вспомнил место, куда он вчера положил книгу.

Потом в жизни я многим рассказывал об этих случаях. И сам нередко на опыте проверял истинность слов “сурового” отца Макария: “Без молитвы начал.”

О. Кукша. Странное имя, никогда прежде мною не слыханное. Память этого святого 27 августа. Жил он в Киевской Лавре в конце XI и начале XII века. Он миссионерствовал среди вятичей; творил чудеса. Вместе со своим учеником Никоном был убит язычником. Мощи их доселе лежат в Антониевых пещерах. Живший в то время в Лавре Пимен постник воскликнул среди Церкви:

— Брат наш Кукша убит! — и сам тотчас же скончался (1113 г.).

В память этого священномученика и было дано при постриге имя оптинскому иноку.

Я с ним познакомился ближе потому, что монастырское начальство нашло нужным перевести меня из Золотухинского дома в другой, в келью рядом с о. Кукшей. Это был пожилой уже монах, лет около 65, а может быть, и больше; небольшого роста, с светлой бородой и необыкновенно простой и жизнерадостный. Он мне готовил чай в маленьком самоварчике, вмещавшем 4-5 чашек. Тут лишь мы и встречались с ним. И в скиту, и в монастыре не было обычая и разрешения ходить по чужим келиям без особого послушания и нужды. И я не ходил. А однажды зашел-таки по приглашению к одному монаху, но после получил от о. Феодосия легкое замечание:

— У нас — не ходят по келиям.

Вероятно, и пригласивший меня получил выговор. Хотя наша беседа с ним была не на плохие темы, а о святых отцах и их творениях, но раз — без благословения, то и хорошее — не хорошо...

И к о. Кукше я не ходил, и даже не видел его келии, хотя жили рядом в доме. Да и он заходил ко мне исключительно по делу и наши разговоры были случайными и короткими. Однажды он с удивительной детской простотой сказал мне о старчестве и старцах:

— И зачем это, не знаю... Не знаю! Все так ясно, что нужно делать для спасения! И чего тут спрашивать?!

Вероятно, чистой душой его, руководимой благодатью Святого Духа, и в самом деле не ни о чем не нужно было спрашивать: он жил свято и без вопросов. Беззлобный, духовно-веселый, всегда мирный, послушный — отец Кукша был как дитя Божие, о которых Сам Спаситель сказал: *"Коли не будете как дети, не войдете в Царство небесное"* (Мф. 18:3). Но однажды с нами случилось искушение. Мне захотелось отслужить утром литургию. А о. Кукша заведовал церковной стороной скита и ризницей. Поэтому я и сказал ему накануне о своем желании. По чистой простоте он радостно согласился, и я отслужил.

А в скиту был обычай — вечерние молитвы совершать в домике о. скитона начальника. После этого мы все кланялись о. Феодосию в ноги, прося прощения и молитв и постепенно уходили к себе. А если ему нужно было поговорить с кем-либо особо, то он оставлял их для этого после всех. Но на этот раз о. Феодосий оставил всех. Братии в скиту было немного. После "прощения" он обращается к о. Кукше и довольно строго спрашивает:

— Кто благословил тебе разрешить отцу архимандриту (т.е. мне) служить ныне литургию?

О. Кукша понял свою вину и без всяких оправданий пал смиренно в ноги скитона начальнику со словами: "Простите меня, грешного! Простите!"

— Ну, о. архимандрит не знает наших порядков. А ты обязан знать! — сурово продолжал выговаривать о. Феодосий.

О. Кукша снова бросается в ноги и снова говорит при всех нас:

— Простите меня, грешного, простите!

Так он и не сказал ни одного словечка в свое оправдание. А я стоял тоже, как виноватый, но ничего не говорил... Потом, с благословения начальника мы все вышли... И мне, и всей братии был дан урок о послушании... Действительно ли о. Феодосий рассердился или он просто через выговор смиренному о. Кукше хотел проучить и других, а более всего — меня, не знаю. Но на другой день утром вижу в окно, что он, в клобуке и даже в мантии, идет к нашему дому. Вошел ко мне в келию, помолился перед иконами и, подавая мне освященную за службой просфору, сказал:

Простите меня, о. архимандрит, я вчера разгневался и позволил себе выговаривать при вас о. Кукше.

Не помню теперь, ответил ли я что ему или нет.

Но вот скоро встретился другой случай. В Калужскую епархию приехал новый архиерей: епископ Георгий. Он был человек строгий и даже крайне властный. День был солнечный. Утро ясное. Вижу, о. Феодосий направляется с о. Кукшей к храму св. Иоанна Предтечи. Я поклонился. Батюшка говорит мне, что ныне он с о. игуменом монастыря едет в Калугу представляться новому Владыке.

— Вот сначала нужно отслужить молебен.

А я про себя подумал: монахи едут к общему Отцу епархии и своему, а опасаются, как бы не случилось какого искушения при приеме... Странно...

В это время отец Кукша отпер уже храм и мы двинулись туда. На пути о. Феодосий говорит мне:

— Вы знаете? О. Кукша — великий благодатный молитвенник. Когда он молится, то его молитва — как столп огненный летит к престолу Божию!

Я молчал. И вспомнил выговор этому столпу: видно, было нужно это и ему, и всем нам.

Седовласый о. Афанасий. Представьте себе глубокого старца с белыми волосами, с белой широкой

бородой, закрывавшей почти всю грудь его. На голове мягкая монашеская камилавка. Глаза опущены вниз и духовно обращены внутрь души — точно они никого не видят. Если кто помнит картину Нестерова “Пустынный”, то о. Афанасий похож не него, только волосы белее. В первый раз я обратил на него свое внимание в скитской трапезной. В чистой столовой, человек на 20-25, в середине стоял стол, а по стенам лавки. Первый приходивший сюда, положив, по обычаю, троекратное крестное знамение, садился направо на первое от дверей место. входивший за ним другой инок, после крестного знамения, кланялся пришедшему раньше и занимал соседнее место. Так же делали и другие, пока к строго определенному времени не приходили все. И никто ничего не говорил. Нагнувши лицо вниз, каждый или думал что, или — вернее — тайно молился. На этот раз мне пришлось в ожидании трапезы сидеть рядом с о. Афанасием. В молчаливой тишине я услышал очень тихий шепот со стороны своего соседа. Невольно я повернул свое лица и заметил, как о. Афанасий двигает старческими губами и шепчет молитву Иисусову... По-видимому, она стала у него беспрестанною привычкою и потребностью.

После обеда я спросил у кого-то из скитников: какое особое — кроме молитвы, — послушание несет старец? Оказалось, что он из скита носит на “скотный двор” грязное белье монахов для стирки. Этот двор расположен где-то в лесу, в стороне от монастыря, и там трудится несколько женщин, Бога ради. Вот туда и посылают старца, убеленного сединами.

Отец Иоиль. Я уже упоминал о нем, как об очевидце визита Л. Н. Толстого к о. Амвросию. Теперь добавлю его рассказ о сотрудничестве с этим святым старцем. Батюшка начал и вел постройку женского Шамординского монастыря больше с верою, чем с деньгами, которые давали ему на это дело народ и благотворители. И не раз, в конце недели, рабочим нечем было платить. О. Иоиль был подрядчиком на этой стройке, от лица о. Амвросия. Приходит время расчета, а денег нет... Народ — все бедный. Приступают к подрядчику: “Плати!” — “Нечем!” Подождите да потерпите. И рабочие — хоть бросай дело. А о. Иоилью и их жалко, и постройку нельзя остановить.

— Вот я один раз решил отказаться от послушания: немоготу мне, — рассказывал он сам. — Пришел к Батюшке, упал ему в ноги и говорю: — Отпусти, сил никаких нет терпеть людское горе.

О. Амвросий уговаривает:

— Не отказывайся, проси их подождать.

И сам я плачу, а сил нет.

— Ну, подожди, подожди! — говорит Батюшка.

И пошел он к себе в келию. Ну, — думаю, — где-нибудь в столе своем отыщет деньги? А он выходит с иконой Казанской Божией Матери и говорит:

— О. Иоиль! Сама Царица Небесная просит тебя: не отказывайся!

Я упал ему в ноги. И опять пошел на дело

Отец Исаакий. Кажется, таково было имя одного из скитских старых иеромонахов. Мы с ним встретились во внутреннем садике. Это был старец, лет под 70, но еще бодрый. Длинная, с проседью, борода. Он был духовником в этом самом Шамординском монастыре, наезжая туда по временам. К сожалению, из небольшой случайной нашей беседы осталось очень мало в памяти моей. Но он утешал меня, убеждая не унывать. Причем обратил мое внимание на то, что образованные монахи тоже делают святое дело в миру, тоже исполняют церковное послушание в школах, семинариях, во славу Божию. И при этом в глазах его светилась ласка и тихое ободрение.

Старец Нектарий

Через ворота под колокольной вошел я внутрь двора скита. Меня приятно поразило множество цветов, за коими был уход. Налево, узенькая дорожка вела к скитона начальнику о. Феодосию. Он был здесь “хозяйном,” но подчинялся отцу игумену монастыря, как и все прочие. Это был человек высокого роста, уже с проседью и довольно плотный. Познакомились. И я сразу попросил у него благословения сходить исповедаться у старца о. Нектария.

Опишу ту комнату, в которой я встретился с ним и где бывали и Достоевский и Л. Толстой, и проф. В. С. Соловьев и другие посетители. Этот домик назывался “хибаркою.” Она была небольшая, приблизительно аршин пять на восемь. Два окна, по стенам скамьи. В углу икона и картина святых мест. Светилась лампадка. Под иконами стол, на котором лежали листочки религиозного содержания. Из приемной комнаты вела дверь в помещение самого старца. А другая дверь от него вела в подобную же комнату, соседнюю с нашей; там принимались и мужчины, и женщины, в нее вход был прямо из леса, с внешней стороны скита; я там не бывал.

Другой старец, батюшка о. Анатолий, жил в самом монастыре и там принимал народ, преимущественно мирян, а монахам рекомендовалось — более обращаться к о. Нектарию.

Когда я вошел в приемную, там уже сидело четверо: один послушник и какой-то купец с двумя мальчиками лет по 9-10. как дети, они все о чем-то говорили весело и тихо щебетали; и сидя на скамейке, болтали ножками. Когда их разговор становился уже громким, отец приказывал им молчать. Молчали и мы, взрослые: как в церкви, и здесь была благоговейная атмосфера, рядом — святой старец... Но детям это было невтерпеж, и они сползли со скамьи и начали осматривать красный угол с иконами. Рядом с ними висела картина какого-то города. На ней и остановилось особое внимание шалунов. Один из них говорит другому: “Это наш Елец.” А другой возражает: “Нет, это Тула.” — “Нет, Елец.” — “Нет, Тула!” И разговор опять принимал горячий оборот. Тогда отец подошел к ним; и обоим дал сверху по щелчку. Дети замолчали и воротились назад к отцу на скамейку. А я, сидя почти под картиной, поинтересовался потом: за что же пострадали малыши,? За Тулу или за Елец? Оказалось, под картиной была подпись: “Святый град Иерусалим.”

Зачем отец приехал и привез своих деточек, я не знаю, а спросить казалось грешно: мы все ждали выхода старца, как церковной исповеди. А в церкви не говорят и об исповеди не спрашивают... Каждый из нас думал о себе.

Отец Иоиль, старый монах, рассказал мне маленький эпизод из жизни Л. Толстого, бывшего в скиту. Долго он говорил с о. Амвросием. А когда вышел от него, лицо его было хмурое. За ним вышел и старец. Монахи, зная, что у отца Амвросия, известный писатель, собрались вблизи дверей хибарки. Когда Толстой направился к воротам скита, старец сказал твердо, указывая на него: “Никогда не обратится ко Христу! Горды-ыня!”

Как известно, он перед смертью ушел из своего дома. И, между прочим, посетил свою сестру Марию Николаевну, монахиню Шамординского монастыря, созданного о. Амвросием верстах в 12 от Оптиной. И тут у него снова явилось желание обратиться к старцам. Но он опасался, что они откажутся принимать его теперь, так как он был уже отлучен Церковью за свою борьбу против христианского учения: о св. Троице, о воплощении Сына Божия, о таинствах (о коих он выражался даже кощунственно). Сестра же уговаривала его не смущаться, а идти смело, уверяя, что его встретят с любовью... И он согласился... Слышал я, что он будто бы подошел к двери хибарки и взялся за ручку; но... раздумал и ушел обратно. Потом он поехал по железной дороге; и, заболев, вынужден был остановиться на ст. Астапово, Тульской губернии, где и скончался в тяжелых душевных муках. Церковь посылала к нему Епископа Тульского Парфения и старца Оптинского Варсонофия; но окружавшие его лица (Чертков и др.) не допустили их до умирающего.

Припомню тут и слышанное мною о нем во Франции. Одно время я жил на побережье Атлантического океана. Там же в одном доме жила тогда и жена одного из сыновей Л. Толстого со своим внуком Сережей. И она иногда рассказывала кое-что о нем и тоже повторяла, что он был “гордый...” Но она жалела его... Внук тоже был чрезвычайно капризный: если что-либо было не по

нем, то он бросался на пол и затылком колотился об него, крича и плача. А в другое время он был ласков ко всем... После отец, чех, выкрал его от бабушки; он тогда уже разошелся с внучкой Толстого.

Прождали мы в комнате минут десять молча: вероятно, старец был занят с кем-нибудь в другой половине домика. Потом неслышно отворилась дверь из его помещения в приемную комнату, и он вошел... Нет, не “вошел,” а как бы вплыл тихо... В темном подряснике, подпоясанный широким ремнем, в мягкой камилавке, о. Нектарий осторожно шел прямо к переднему углу с иконами. И медленно-медленно и истово крестился... мне казалось, будто он нес какую-то святую чашу, наполненную драгоценной жидкостью и крайне опасался: как бы не пролит ни одной капли из нее? И тоже мне пришла мысль: святые хранят в себе благодать Божию; и боятся нарушить ее каким бы то ни было неблагоговейным душевным движением: поспешностью, фальшивой человеческой лаской и др. Отец Нектарий смотрел все время внутрь себя, предстоя сердцем перед Богом. Так советует и Еп. Феофан Затворник: сидя ли или делая что, будь непрестанно пред лицом Божиим. Лицо его было чистое, розовое; небольшая борода с проседью. Стан тонкий, худой. Голова его была немного склонена к низу, Глаза — полужакрыты.

Мы все встали... Он еще раза три перекрестился перед иконами и подошел к послушнику. Тот поклонился ему в ноги; но стал не на оба колена, а лишь на одно, вероятно, по тщеславию стыдился делать это при посторонних свидетелях. От старца не укрылось и это: и он спокойно, но твердо сказал ему:

— И на второе колено встань!

Тот послушался... И они о чем-то тихо говорили... Потом, получив благословение, послушник вышел.

Отец Нектарий подошел к отцу с детьми, благословил их и тоже поговорил... О чем, не знаю. Да и не слушал я; было бы грешно подслушивать. О себе самом думал я... Все поведение старца произвело на меня благоговейное впечатление, как бывает в храме перед святынями, перед иконою, перед исповедью, перед Причастием.

Отпустив мирян, батюшка подошел ко мне, к последнему. Или я тут отрекомендовался ему, как ректор семинарии; или прежде сказал об этом через келейника, но он знал, что я — архимандрит. Я сразу попросил его принять меня на исповедь.

— Нет, я не могу исповедовать вас, — ответил он. — Вы человек ученый. Вот идите к отцу скитона начальнику нашему, отцу Феодосию, он — образованный.

Мне горько было слышать это: значит, я недостойн исповедаться у святого старца. Стал я защищать себя, что образованность наша не имеет важности. Но отец Нектарий твердо остался при своем и опять повторил совет — идти через дорожку налево к о. Феодосию. Спорить было бесполезно, и я с большой грустью простился со старцем и вышел в дверь.

Придя к скитона начальнику, я сообщил ему об отказе отца Нектария исповедовать меня и о совете старца идти за этим к образованному о. Феодосию.

— Ну, какой же я образованный?! — спокойно ответил он мне. — Кончил всего лишь второклассную школу. И какой я духовник?! Правда, когда у старцев много народа, принимаю иных и я. Да ведь что же я говорю им, Больше из книжек наших же старцев или из святых отцов, что-нибудь вычитаю оттуда и скажу. Ну, а отец Нектарий — старец по благодати и от своего опыта. Нет, уж вы идите к нему и скажите, что я благословляю его исповедать вас.

Я простился с ним и пошел опять в хибарку. Келейник с моих слов все доложил батюшке; и тот попросил меня к себе в келию.

— Ну, вот и хорошо, слава Богу! — сказал старец совершенно спокойно, точно он и не отказывался прежде. Послушание старшим в монастыре — обязательно и для старцев; и может быть, даже в первую очередь, как святое дело и как пример для других.

И началась исповедь... К сожалению, я теперь решительно не помню ничего о ней... Одно лишь осталось в душе, что после этого мы стали точно родными по душе. На память батюшка подарил мне маленькую иконочку из кипарисового дерева с выточенным внутри распятием.

Подошел праздник Успения Божией Матери. Накануне, часов около 11, ко мне приходит из монастыря благочинный отец Федот. Несколько полный, с проседь. в темных волосах и бороде, спокойный, приветливый; он и с собою принес тишину. Помолвившись и поздоровавшись со мною, он сначала справился о моем здоровье и самочувствии; потом порадовался — “какая ныне хорошая погода,” — был тихий, безоблачный день. Я подумал: подход — как в мину, между светскими людьми... Жду дальше: напрасно монахи не ходят по келиям, — как писалось раньше. И действительно, отец благочинный скоро перешел к делу:

— Ваше высокопреподобие! Батюшка игумен просит вас сказать завтра, на поздней литургии, поучение...

Это предложение было для меня совершенно неожиданным: я в миру довольно много говорил проповедей, речей, уроков. И устал духовно от многоглаголения; потому, живя в монастыре, хотел уже отдохнуть от учительства в тишине, одиночестве и молчании. И в самом деле отдыхал. И вдруг — проповедай и здесь?

— Нет, нет! — запротестовала моя душа. — Не могу, батюшка!

И начался между нами долгий спор.

— Почему же, Ваше высокопреподобие?!

— Ну чему я буду учить вас в монастыре?! Вы — истинные монахи; а живя в миру, какие мы монахи? Нет, и не просите напрасно.

Но отца благочинного нелегко оказалось заставить отказаться от данного ему игуменом поручения.

— А как же вон у нас жили другие ученые монахи, — стал он перечислять их имена, и проповедовали?

— Это не мое дело, — отстранял я его возражение. — Я про себя говорю, что не могу учить вас, монахов. Да и что особого я могу вам сказать? У вас на службах читаются, по уставу, и жития святых из Пролога и поучения святых отцов. Что же лучше?

— Так-то так; но и живое устное слово полезно нам послушать, — настаивал о. Федот.

— Святые отцы — всегда живые, — возражал я, — нет уж, батюшка, не просите! Мне трудно это. Так и объясните отцу игумену.

Да ведь о. игумен и благословил меня просить вас проповедовать.

Видя, что никакие уговоры не действуют на посланца, я вспомнил о старце Нектарии. “Вот кто может выручить меня из неожиданной беды, — думалось мне, — я у него исповедался, он знает мою грешную душу и скорее поймет мой отказ по сознанию моего недостойнства, а слово старца — сильно в обители.”

— Я спрошу у батюшки, о. Нектария, — сказал я.

— Хорошо, хорошо! — согласился сразу о. Федот.

И с этими словами он начал прощаться со мной. Да было и время: в монастыре зазвонил небольшой колокол к обеду. Благодичинный ушел, а я направился к “хибарке” старца. В знакомой мне приемной никого не было. На мой стук вышел из келии о. Мелхиседек: маленького роста, в обычной мягкой камилавке, с редкой молодой бородою, с ласковым лицом.

Я объяснил ему наше дело и добавил:

— Мне нет даже нужды беспокоить самого батюшку, он занят другими. Вы только спросите у него совета. И скажите ему, что я прошу его благословить меня не проповедовать.

И я верил в такой ответ старца: мне казалось, что я хорошо поступаю, смиренно. Келейник, выслушав меня, ушел за дверь. И почти тотчас же возвратился:

— Батюшка просит зайти вас к нему.

Вхожу. Целуем друг у друга руки. Он предложил мне сесть и, не спрашивая больше ни о чем, сказал следующие слова, которые врезались мне в память до смерти:

— Батюшка, — обратился он ко мне тихо, но чрезвычайно твердо, авторитетно, — примите совет на всю вашу жизнь: если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то как бы трудно или даже высоко ни казалось это вам, — не отказывайтесь. Бог за послушание поможет!

Затем он обратился к окну и, указывая на природу, сказал:

— Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ничего! — медленно повторил батюшка, протягивая рукою слева направо. — И Бог из ничего сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он — ничто, тогда Бог начнет творить из него великое.

Я стал плакать. Потом о. Нектарий заповедовал мне так молиться: “Господи, даруй мне благодать Твою!” — И вот идет на вас туча, а вы молитесь: “Дай мне благодать!” И Господь пронесет эту тучу мимо.” И он протянул рукой слева направо. О. Нектарий, продолжая свою речь, рассказал мне почему-то историю из жизни Патриарха Никона, когда он, осужденный, жил в ссылке и оплакивал себя. Теперь уж я не помню этих подробностей о Патриархе Никоне, но “совет на всю жизнь” стараюсь исполнять. И теперь слушаюсь велений Высшей Церковной власти. И, слава Богу, никогда в этом не раскаивался. А когда делал что-либо по своему желанию, всегда потом приходилось страдать.

... Вопрос о проповеди был решен: нужно слушать о. игумена и завтра — говорить. Я успокоился и ушел. Обычно для меня вопрос о предмете и изложении поучения не представлял затруднений; но на этот раз я не мог отыскать нужной темы до самого всеобщего бдения. И уже к концу чтения канона на утрени в моем уме и сердце остановились слова, обращенные к Богородице: “Сродства Твоего не забуди, Владычице!” Мы, люди, сродники Ей по плоти, Она — из нашего человеческого рода. И хотя Она стала Матерью Сына Божия, Богородицею, но мы, как Ее родственники, все же остались Ей близкими. А потому смеем надеяться на Ее защиту нас пред Богом, хотя бы были и бедными, грешными родственниками Ее... И мысли потекли, потекли струей... Вспомнился и пример из жития св. Тихона Задонского о грешном настоятеле этой обители, как он был помилован и даже воскрешен Господом: “За молитвы Моей Матери возвращается в жизнь на покаяние,” — послышался ему голос Спасителя, когда душа его спускалась на землю? А настоятель этот, будучи по временам одержим нетрезвостью, имел обычай в прочие дни читать акафист Божией Матери.

В день Успения я отслужил раннюю в другом храме... И вдруг во мне загорелось желание сказать поучение и тут. Но так как это было бы самоволием, я воздержался.

Какие лукавые бывают искушения!

На поздней литургии я сказал приготовленную проповедь. Она была, действительно, удачною. В храме кроме монахов было много и богомольцев-мирян. Все слушали с глубоким пониманием.

По окончании службы я спускался по ступенькам с паперти. Вдруг ко мне спешно подбежали те два монаха, которых я осудил в душе, и при всем народе радостно поклонились в ноги, благодаря за проповедь... К сожалению, я не запомнил их святых имен: а они заслужили бы этого за смирение свое.

Но на этом “слава” моя не кончалась. Когда я возвратился в скит, меня на крыльчке нашего домика встретил преподобный о. Кукша:

— Вот, хорошо сказали, хорошо! Вот был у нас в Калуге архиерей Макарий: тоже хорошо-о говорил проповеди!

Я промолчал. На этом разговор и кончился.

Через некоторое время из монастыря пришла уже целая группа послушников и стала просить меня:

— Батюшка, пойдемте, погуляем в лесу и побеседуем: вы такую хорошую проповедь нам сказали.

"О-о! — подумал я про себя. — Уже учителем заделаться предлагают тебе? А вчера считал себя недостойным и говорить?! Нет, нет: уйди от искушения!" — И я отклонил просьбу пришедших.

Кстати: вообще монахам не дозволяется ходить по лесу, и лишь по праздникам разрешалось это, и то — группами для утешения. Но этим пользовались лишь единицы: а другие сидели по келиям, согласно заповеди древних отцов: “Сиди в келии и келия спасет тебя.”

На следующий день мне нужно было выезжать из монастыря на службу в Тверскую семинарию; и я пошел проститься сначала с о. Нектарием. Встретив меня, он с тихим одобрением сказал:

— Видите, батюшка: послушались, и Бог дал вам благодать произнести хорошее слово.

Очевидно, кто-то ему уже об этом сообщил, так как старец не ходил в монастырь.

— Ради Бога, — ответил я, — не хвалите хоть вы меня, бес тщеславия меня уже и без того мучает второй день.

Старец понял это и немедленно замолчал. Мы простились.

От него я пошел через дорожку к скитоначальнику о. Феодосию. Тот спросил меня, как я себя чувствую, с каким настроением отъезжаю.

Я искренно поблагодарил за все то прекрасное, что я видел и перешел здесь. Но добавил:

— А на сердце моем осталось тяжелое чувство своего недостойнства.

Мне казалось, что я говорил искренно и сказал неплохо, а сознание недостойнства представлялось мне смирением. Но отец Феодосий посмотрел иначе:

— Как, как? — спросил он. — Повторите, повторите!

Я повторил. Он сделался серьезным и ответил:

— Это — не смирение. Ваше преподобие, это — искушение вражье, уныние. От нас по милости

Божией уезжают с радостью; а вы — с тяготей? Нет, это — неладно, неладно. Враг хочет испортить плоды вашего пребывания здесь. Отгоните его. И благодарите Бога. Поезжайте с миром. Благодать Божия да будет с вами.

Я простился. На душе стало мирно.

Какие вы духовно опытные! А мы, так называемые “ученые монахи,” в самих себе не можем разобраться правильно... Не напрасно и народ наш идет не к нам, а к ним... “простецам,” но из мудрых и обученным благодатью Духа Святого. И апостолы были из рыбаков, а покорили весь мир и победили “ученых.” Истинно говорится в акафисте: “Вития многовещанные,” — т.е., ученые ораторы, — “видим яко рыбы безгласные,” по сравнению с христианской проповедью этих рыбаков.

И теперь “ученость” наша была посрамлена еще раз.

Когда я приехал на вокзал в Козельск, то в ожидании поезда я сидел за столом. Против меня оказался какой-то низенький крестьянин, с остренькой бородкой. После короткого молчания он обратился ко мне довольно серьезно:

— Отец, ты, что ли, вчера говорил проповедь в монастыре?

— Да, я.

— Спаси тебя, Господи! А знаешь, я ведь думал, что благодать-то от вас, ученых, совсем улетела?

— Почему так?

— Да видишь: я безбожником одно время стал; а мучился. И начал я к вам, ученым обращаться: говорил я с архиереями — не помогли. А потом пришел сюда, и эти простецы обратили меня на путь. Спаси их, Господи! Но вот вижу, что и в вас, ученых, есть еще живой дух, как Сам Спаситель сказал: *“Дух дышит, идеже хочет”* (Иоанн 3:8).

Скоро подошел поезд. В вагон второго класса передо мной поднялись по ступенькам две интеллигентные женщины. За ними пошел и я. Они очень деликатно обратились ко мне со словами благодарности за вчерашнее слово. Оказалось, это были две дворянки, приезжавшие издалека на богомолье в Оптину и слышавшие мою проповедь. И думается, что эти “ученые” — не хуже, — а даже лучше, смиреннее, чем бывший безбожник... Да, воистину дух Божий не смотрит ни на ученость, ни на “простоту,” ни на богатство, ни на бедность, а только на сердце человеческое, и если оно пригодно, то Он там живет и дышит...

Началась революция. И вот какое предание дошло до меня за границей. Отец Нектарий будто бы встретил пришедших с детскими игрушками и электрическим фонариком, совершенно спокойный. И перед ними он то зажигал, то прекращал свет фонаря. Удивленные таким поведением глубокого старца, а может быть, и ожидавшие какого обличения за свое безобразие от “святого” молодые люди сразу же от обычного им гнева перешли в благодушно-веселое настроение и сказали:

— Что ты? Ребенок, что ли?

— Я — ребенок, — загадочно-спокойно ответил старец.

Если это было действительно так, то стоит серьезно задуматься над смыслом поведения его и загадочным словом о “ребенке.”

А ребенком он мог назвать себя, поскольку идеальный христианин становится действительно подобным дитяти по духу. Сам Господь сказал ученикам при благословении детей: *“Если не*

будете, как дети, не войдете в Царство Небесное” (Мк. 10:15).

[В начало страницы](#)

A-9

(Nektari.doc 03-24-2000)